

ВЕРБАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОСНОВА ФИКСАЦИИ ОБРАЗОВ РЕАЛЬНОСТИ

Процесс познания и освоения пространства нацией в синхронической перцепции и его анализ в диахронии позволяет исследовать становление и последующее развитие национального видения образа мира. Образы реальности можно исследовать в рамках определенного хронотопа или за его пределами. Вербальное освоение пространства выступает как основа фиксации образов реальности. Литература определенных исторических периодов может рассматриваться как отражение конкретного этапа интеллектуального освоения пространства. В данном контексте целесообразно использование методов лингвистики для исследования текстов, репрезентирующих это освоение в синхронии и диахронии, и дискурс-анализа эксплицитных и имплицитных высказываний и стратегий репрезентации категории пространства. Такой подход может выявить трансформации целеполаганий в освоении географических пространств через символизм номинации.

Ключевые слова: вербализация пространства, имперский хронотоп, дискурс власти, Британская империя, фиксация образов реальности.

Конец XVI в. в Европе знаменует начало становления новой естественно-научной картины мира, создававшейся интеллектуалами. Расширение знаний совпало с периодом развития европейских империй, одной из крупнейших среди которых была Британская империя. Собственно империя как форма государственного устройства в ее экономическом, политическом и идейном измерениях стала основой развертывания различных по смысловой и предметной направленности практик освоения мира. В качестве методологической основы изучения феноменов империй с этой точки зрения можно рассматривать стратегии репрезентации нового знания на примере географических карт, научных иллюстраций, произведений искусства и литературы, каждый из которых является символическим текстом, кодирующим представления людей о мире и своем месте в нем.

Данная работа посвящена освоению пространства и стратегиям его фиксации в письменных источниках, в основном в литературе пу-

тешествий, главным образом с точки зрения лингвистики, а не литературоведения. Такой подход представляется целесообразным, поскольку написано достаточно много литературоведческих работ, в которых рассматривается фактографическая сторона текста, вычленяются особенности литературных, текстологических и культурологических аспектов нарративов.

Лингвистический подход позволит сделать концептуальные обобщения, поскольку вычленяет образы и смыслы, раскрывает их эволюцию на вербальном уровне. Однако необходимо отметить, что выдвижение на первый план языка ничуть не умаляет роли прочих способов фиксации пространства. Напротив, между ними устанавливается связь, выстраивающая все компоненты в единую систему. Все это манифестирует факт освоения пространства в физическом и ментальном выражении.

Анализ рецептивно-репрезентативных стратегий фиксации образов пространства представляется возможным при разделении его на три этапа: перцепцию, анализ и репрезентацию, где первые два отражают процесс появления когнитивного представления, последующий – его репрезентацию, собственно, визуальную или вербальную. Создание карты можно рассматривать как своего рода темпорально-интеллектуальный логистический проект территориального закрепления владений в рамках империи, который и позволяет в нашем исследовании рассмотреть его как имперский хронотоп британской культуры.

В связи с этим представляется необходимым рассматривать этот хронотоп как конструкт, своего рода «горизонт ожиданий», пропускающий в «пространстве опыта» [Козеллек, с. 148]. Это пространство опыта национального, которое разворачивается во времени, это антропологический логос, конструирование через ословливание. В одном слове мир экстралингвистической реальности. И здесь необходимо подчеркнуть разграничение понятий логосферы как Божественной сферы, и вербализации в форме номинации как абсолютно человеческой функции опредмечивания мира, где язык является основой фиксации образов реальности.

В этом смысле использование английского сочетания *to acquire* раскрывает продолжение предыдущую идею – приобрести, получить, освоить и превратить в свою землю, пространство, территорию. Визуальное и интеллектуальное подтверждение овладения пространством и его освоения-присвоения и закрепления во времени с помощью картографии и иллюстрации как практик объективации и природы, и общества является началом длительного пути; а следующим шагом являет-

ся колонизация как механизм господства и подчинения окружающего мира, деление его на «колонизаторов» и «колонизуемых». Вербальная репрезентация формулирует и конструирует этот образ у носителей данного языка и культуры как таковой и политической культуры, в частности, а вместе они выступают как основной инструмент конструирования национальной идентичности, что проявилось в образе Англии как имперского государства в картографии и политическом дискурсе различных эпох. Вместе с тем, ограничение темпоральное (XVI–XVIII вв.) даст нам возможность создать лишь ненасыщенное описание [Гирц, с. 22], чтобы осуществить более глубокое проникновение в существо исследуемых вопросов, необходимо выйти за рамки данного хронотопа, и даже за рамки одного языка.

История развития государственных образований на Британских островах являет собой целый ряд состояний, который может быть представлен в виде последовательных транзитных стадий, на примере которых можно увидеть вехи становления и воплощения тех или иных идей интеллектуальной истории. В первую очередь это касается эволюции государственных образований и их преемственности, что непосредственным образом связано с этническими общностями, господствовавшими на Британских островах, и их этнолингвокультурами.

Путь к империи занял у Англии века, когда из отдаленной провинции Римской империи где-то на задворках цивилизованного мира эта территория превратилась в метрополию могущественной колониальной державы. Островное положение наложило определенный отпечаток на сознание англичан, на их восприятие пространства и определило специфичность положения и уникальность развития империи. Не случайно в английском языке появилось слово *insular* как заимствование из латыни:

insular

1. interested in your own group, country, way of life etc. and no others
– used to show disapproval → *parochial*

an *insular* community

the *insular* world of the law

2. formal relating to or like an island [*Insular* in *Geography*].

Фиксируется это слово в языке между 1500–1600 от позднелатинского *insularis*, от латинского *insula* “island” [*Insular*].

В русских переводах значения представлены из англо-русского словаря:

– островной

- (insular) относящийся к Британским островам
- изолированный
- замкнутый, сдержанный
- ограниченный, узкий; предубежденный [Wooordhunt].

Для носителя языка в определенном контексте реализуются одновременно несколько значений: это и о географическом положении (островной), и об особенностях характера (замкнутый, сдержанный), и о мировосприятии (изолированный). Не случайно британский контекст предпочитает абстрагирование от Европы, называя ее the Continent, в чем прослеживается «самость» Британии. Британия – островная держава (an insular power). Это создает образ отдельности, обособленности в национальном восприятии, формирует сдержанность национального характера, а мир вокруг воспринимается через осознание своей изолированности от него, соответственно метафорически происходит развитие значения до возникновения предубежденности.

Островное положение Британии – это поведенческая среда, в которой формируется национальное сознание. Для исследователя здесь очевидна перспектива в одном слове увидеть целый мир, оно является ключом к пониманию целостной идентичности, а для носителя в нем хранятся в компактном выражении базовые представления о своей идентичности, слово в данном случае становится ментальной картой.

Представляется существенно важным рассмотреть имперский период в рамках целостного восприятия истории Британии как таковой. Здесь период Римского завоевания Британии в 43 г. н. э., которое и знаменует начало Британской истории, необходимо рассматривать как точку развертывания имперской идеи в национальной истории данной территории. Римляне превратили завоеванные земли кельтов в свою провинцию и приступили к процессу «оцивилизовывания» пространства. Освоение пространства Британских островов происходило через свойственные римлянам способы освоения ландшафта: строительство дорог, возведение укреплений и городов, которые и сейчас сохраняются в топонимике и являют типичные культурные ландшафты страны, что оказало и продолжает оказывать воздействие на образное восприятие своей территории кельтами и позднее англосаксами. Типичной политикой римлян по созданию империи было включение завоеванных народов в ее состав путем сохранения их родоплеменной системы. Новые города строились по римским образцам: форум, бани, амфитеатры, дороги – складывается топонимия территории. И, несмотря на то что англосаксы появляются в Британии лишь в начале V в.,

существенно то, что они обосновываются в обустроенном римлянами пространстве, и оно (пространство) начинает свое цивилизационное воздействие. Зафиксируем это как первую волну (опосредованного для англосаксов) Римского цивилизационного влияния на Британских островах, когда римляне осваивали территорию для себя словом и делом, осваивая это пространство.

Второе проявление цивилизационного влияния Рима происходит в период христианизации Британии «сверху» в VII в., что укрепляет и легитимизирует власть монархов, возникает образ власти «от Бога». Следовательно, территория дважды подвергается воздействию Рима, но в первом случае это Рим языческий, во втором – христианский. Меняется и культурный ландшафт: христианские храмы строятся по всей стране на развалинах брошенных городов, среди римских руин, и в них возвращается жизнь. В этот период происходило складывание христианской идентичности в первую очередь англосаксов, поскольку кельты несколько раньше подверглись христианизации «снизу».

Рим приносит новые знания, в появившихся монастырях развивается система образования по римским образцам. Здесь первейшую роль играло то, что латынь стала той базой, которая позволила ввести Британию в единое европейское пространство, в христианский мир. Несмотря на свое островное положение, Англия была глубоко интегрирована в процессы, происходящие в Европе, и испытывала постоянное воздействие со стороны Европейского континента.

За долгие годы своего существования в различные исторические периоды Британия оказывалась далекой провинцией Римской империи, частью империи Кнута, испытывала сильнейшее влияние со стороны Франции и, наконец, стала создавать свою империю. Начало этого периода совпало с Эпохой Великих географических открытий. После наступила третья волна влияния Рима, на этот раз благодаря путешествиям в далекие колонии или в соседнюю Европу во время модных тогда *Grand tours of Europe*, которые становились обязательной частью воспитания молодых людей из привилегированных сословий. Интерес к археологии и истории способствовал открытию Рима дохристианского, Рима языческого. Происходит встреча с идеями Нового времени в духе предпринимательства, меркантилизм одерживает победу, и новая империя, внешне выполняющая миссионерскую функцию, испытывает внутренние трансформации. Л. Т. Дарлинг подчеркивает, что в основе этой трансформации лежало сочетание социально-исторических событий, различные широкомасштабные политические и/или религиозные конфликты, а также растущий бур-

жуазный класс, способствующий массовой экспансии по всей Европе и, в конечном счете, по всему земному шару [Darling, p. 524].

Итак, влияние Римской империи можно считать неизгладимым, а связь с ней непрерываемой и сущностной, поскольку, оказавшись в орбите этой империи, Англия восприняла ее как безусловный образец, достойный подражания, идеал государственности, к которому должно стремиться. Поддержание континуитета от древней Римской державы было красной нитью, которая прослеживается в долгом историческом пути Британии к созданию самой большой империи.

Ирландия стала первой английской колонией еще в XII в. С нее и начался первый период, представляющий английские колониальные захваты в XII – первой половине XVII в. Другие традиционно выделяемые периоды:

2. усиление колониальной экспансии Англии после Славной революции XVII в. и создание Британской империи; победа Англии в борьбе с Францией за колониальное и торговое первенство;

3. Британская империя в период становления и утверждения мировой промышленной, торговой и колониальной монополии Англии;

4. период перерастания домонополистического капитализма в империализм [Шишков, с. 52–57].

Кроме географического положения, существенную роль играл лингвистический фактор. Англия являла собой уникальный случай сосуществования нескольких языков на одной территории, которые детерминировали ее развитие. За каждым закреплялась своя сфера. В период становления империи интеллектуальная жизнь Британии протекала в среде трех языков (латынь, французский, английский). Каждый отвечал за свою область: французский был языком двора, латынь вмещала религию, юриспруденцию и науку, английский постепенно завоевывает свое место в литературе, религии и политической жизни.

Эта среда влияла на развитие английской идентичности. Благодаря латыни это географически изолированное государство получило доступ к настоящему источнику многомерного европейского знания (сакрального, научного, юридического и политического). М. Лайонс (Lyons) приводит следующие данные: 77 % всех книг, напечатанных в Европе до 1501 г., были напечатаны на латыни, интеллектуалы Европы пользовались преимуществами знания латыни и единообразием терминологий и подходов [Griffin, p. 36]. «На самом деле “европейская культура” той поры – это культура 500-1000 “образованных людей” (в эту категорию равно попадают ученые и богословы, писатели и художники, некоторые вельможи – причем часто несколько ипоста-

сей легко совмещаются в одной личности), которые живут и работают при разных европейских дворах (свободно переезжая от одного к другому), принадлежат различной национальной и языковой среде, но активно обсуждают между собой “магистральные” проблемы эпохи» [Нестеров, с. 48–49].

Результат этой ситуации многоязычия в современном английском языке прослеживается в синонимических рядах, включающих тройные цепочки слов этимологически разного происхождения, от исконно англо-саксонских до заимствований из латыни и французского. Один из таких примеров приводит Д. Кристал для понятия королевский: *king-like/queen-like* (англ.) – *regal* (лат.) – *royal* (франц.).

Англосаксонские, латинские и французские синонимы не просто существуют в английском языке, дублируя друг друга, а занимают свою смысловую нишу, составляя сочетания различной валентности. Видя в этом определенную модель, Д. Кристал определяет германское слово в этой и других тройных цепочках синонимов как короткое и бытовое, стилистически сниженное слово, заимствованный из латыни вариант как слово многосложное в разряде книжной, научной лексики, а заимствованное из французского имеет у носителей английского языка совсем другие функциональные ассоциации.

Royal занимает нишу в сочетаниях о родственных связях (*blood, birth, family*) и социальном положении (*princess, majesty, highness*). В приводимых примерах латинское *Regal* соотносится с *authority* (*throne, government, power*) и *appearance* (*demeanour, figure, look*) [Crystal, p. 80–82].

Мы видим, что идея государственности, имперскости закрепляется за латинскими заимствованиями, латынь способствовала распространению политических знаний, известно, что «Государь» Н. Макиавелли, написанный в 1513 г., был недоступен на английском языке до 1640 г., но уже в 1580-х гг. Г. Харви, друг поэта Э. Спенсера, воспевал его как апостола современного прагматизма. «Мы очень обязаны Макиавелли и тем, – сказал Фр. Бэкон, – что он пишет о том, что люди делают, а не о том, что они должны делать» [Lyons, p. 184].

Пространственные знания формируются в результате активного освоения среды и постепенно превращаются в скоординированную картину освоенных владений. Эпоха Великих географических открытий дала шанс к освоению новых территорий, к расширению, которое изначально происходило за счет территорий, принадлежавших кельтам в пределах Британских островов. В. Г. Богомяков указывает на то, что для Британии геополитический выход за рамки своих границ

осуществлялся на основе идей прагматизма как способа осмысления взаимоотношений человека и пространства [Богомяков, с. 215].

Неразрывность связей, встроенность Британии в мир империи не позволяет анализировать концепт империя в британской культуре в отрыве от исследования и без учета истории становления этого концепта в Римской империи.

Каковы же были основные черты «образцовой» Римской империи? Империей впервые назвала себя Римская империя, провозгласив новый тип государственности, существенными чертами которой были полиэтничность, религиозная толерантность (римский пантеон включал в себя всех богов завоеванных народов), а также действие на всей огромной территории единых норм, стандартов и понятий «римского права» [Империя].

Если давать политологический анализ типам империй, то сам Рим относится к империи смешанного типа, что является еще одним аргументом в пользу ее совершенства. Те, что возникли после, традиционно делятся на континентальные (Австро-Венгерская, Российская), компактно расположенные на одной территории, и империи с заморскими территориями (Британская, Французская, Нидерландская и др.) (хотя и здесь следует отметить особенность Британской империи в связи с тем, что в отличие от остальных географически она была островной метрополией).

Следовательно, целесообразно обратиться сначала к концептам и их значениям для данного хронотопа, центральным из которых является империя. И здесь следует начать с «трудностей перевода». Одинаково ли понимаются смыслы, стоящие за понятием империя, когда они заимствуются в английском, французском, русском и других языках, даже если слово заимствуется из одного источника? Как меняются эти смыслы, когда заимствование обретает жизнь и развивается в заимствующих языках? И от чего зависит траектория движения и развития смысла в рамках национальных ментально-лингвальных комплексов? Поверхностно воспринятые понятия одного языка/культуры при небрежном их использовании искажают их смысл. Слова и их смыслы в хронотопах разных культур особенно важны для политического дискурса, поскольку понятийный аппарат описания самих понятий и связанных с ними явлений в отечественном политическом и научном дискурсах могут отличаться от принятого в других национальных традициях.

С точки зрения лингвистики необходимо правильно представлять гиперонимо-гипонимические отношения составляющих тематической группы государство, используя наработки в области политологии,

где государство рассматривается как родовое понятие или понятийный комплекс (гнездо), где империи отведено место видового понятия вместе с деспотией, республикой и т. д. [Ильин, с. 9]. Английские этимологические словари фиксируют появление значения для слова *The Empire* как Британская империя только в 1772 г., до этого в английском языке оно существовало только для обозначения Священной Римской империи [*Empire*], но в британской культурной полигlossии значения воспринимались из латыни и реализовывались в сознании интеллектуального класса без перевода.

В самом Риме термин империя (*imperium*) претерпевал изменения значения с IV–III в. до н. э., обозначая «приказ» или «полномочия отдавать приказы». Императором (*imperator*) именовался человек, «обладающий правом отдавать приказы». Став почетным званием для военного, затем *imperator* превращается в титул правителя, в чем проявляется усиление роли военных в жизни общества определенного периода. Мы можем проследить изменения значений состава слова:

Imperator

1. почетное звание для военного в Риме;
2. титул правителя, эвфемизм к слову царь (*rex*) для косвенного обозначения статуса единоличного правителя;
3. составная часть имени принцепса в династии Юлиев-Клавдиев;
4. основной титул римского государя.

Imperium

1. «приказ» или «полномочия отдавать приказы»;
2. права римского народа распоряжаться всеми иными народами, которое обуславливается этическим превосходством римлян над остальными обитателями «круга земель» (Цицерон);
3. административный округ, на который распространяются властные полномочия того или иного магистрата;
4. сочетание представления об особой властной компетенции римского народа с идеей определенной территории, в пределах которой должны реализовываться любые властные полномочия;
5. пространное (или даже всемирное) государство, объединяющее многие народы и племена, но под властью одного доминирующего народа, обладающего большим, чем у остальных, потенциалом так или иначе понимаемой цивилизованности [Бойцов].

В Римской империи существовало сущностное противопоставление между *imperiū* (Римской державой) и *regna* (окружающими ее и «царствами» варварских народов). Рим как древние империи охватывал всю познанную территорию суши и моря.

А далее слово начинает жить уже в христианском контексте, его смысловое наполнение благодаря семантической деривации меняется. С началом средневековья противопоставление *regnum* – *imperium* претерпевает изменения. В Вульгате слово *imperium* дано прежде всего в значениях «полномочия», «власть», но также и как «царство». *Regnum* постепенно освобождается от отрицательных коннотаций времен римской классики и используется для обозначения земных властей, власти Бога над миром и царства Божьего (*regnum Dei*) [Там же].

Распад Римской империи приводит к соперничеству за преемственность по отношению к ней (Византия (Империя Ромеев) и Священная Римская империя). От них опосредованно о праве быть наследниками заявляют другие европейские державы, среди которых и Британская империя.

Британия как часть христианского мира также участвовала в процессах осознания своей национальной идентичности с целью закрепления за собой политического статуса империи. Поддержание континитета от древней Римской державы требует системы доказательств «полноценности», то есть права так называться. На определенном этапе Британия проигрывает в этом состязании, но идея империи, ее образ, медленно, но поступательно ведет ее к заветной цели. В преамбуле английского документа XVI в. «Законе об апелляциях» (1533) признавалось право подданных короля на апелляцию в судах за пределами Англии на основании (хотя и сомнительном), «что эта территория Англии является империей, считается таковой во всем мире и управляется одним верховным главой и королем» [Политика].

Виктория приняла титул королевы-императрицы только в 1877 г. После этого слово *empire* стало обозначать группу государств, возникшую в результате колонизации или завоевания и подчиненную метрополии или имперскому государству. К началу XX в. слово *empire* стало ассоциироваться с *imperialism* [Там же].

После эпохи Великих географических открытий империи стали ассоциировать с наличием у государства-метрополии обширных колониальных владений, а в случае с Британской империей – ее доминионов [Санжаревский]. Если проанализировать историю империй Нового времени, то мы увидим попытки сделать империю центром своей национальной идентичности у многих народов Европы, они тоже были ведомы стремлением выполнить свою христианскую миссию. Испанский король Филипп II определял действия в Новом Свете как «умиротворение», а не «завоевание». Он верил, что Испании было предопределено сверху выполнить миссию церкви как законной наследнице римлян [Lyons, p. 13].

«Сонет Царю нашему господину» Э. де Акуньи символизирует предприимчивость и имперский дух Испании в раннее Новое время. Сонет изображает Карла I как святого пастыря своей испанской паствы, помазанного Богом распространить христианскую веру за пределы Иберии божественной волей, дипломатией или силой, он – властелин мира, инженер морской и сухопутной державы и героический представитель испанской уникальности [Gasta, p. 13]. Достаточно заменить в этом тексте онимы, и перед нами предстает Британская империя с теми же устремлениями.

Рассмотрим трактат Уильяма Кэмдена (William Camden) «*Britain, or, a Chorographically Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland*», увидевший свет в 1607 г. в Лондоне [Camden]. Произведение было написано на латыни, перевод на английский язык представлен позднее. Первое издание «Британии» вышло на латыни в 1586 г. Существует английский перевод Филемона Холланда 1610 г., основанный на окончательном издании Кэмдена 1607 г. и, вероятно, переведенный под руководством Кэмдена. Это была первая опубликованная топографическая съемка всех Британских островов, графство за графством. Появление труда в самом начале XVII в. открывает нам взгляд из XVI века. Англия еще не оформлена как империя, но понимание себя как части империи и образ империи проявляется уже в посвящении автора: «Светлейшему и могущественнейшему принцу, королю Великобритании, Франции и Ирландии, защитнику веры, рожденному для вечной славы Британии и Империи (курсив – М. П.), основателю прочного мира и создателю общественной безопасности...» [Camden, p. 3].

Континуитет истории Британии с историями древнейших стран подчеркивается уже во введении, где Британия персонализируется: «...я не испытываю недостатка ни в фонтанах, ни в богатых реках, ни в тучных полях, ни в улыбающихся лугах. Я плодovита людьми, плодovита животными и плодovита рудой. Я не должна хвастаться тем, что окружающее меня море дает мне большие богатства, и тем, что ни для какой другой земли климат не является более дружелюбным, а воздух более сладким. Для меня Феб поздно погружается в западные моря, а его милая сестра приносит ночи, которые сияют. В праве ли я презирать шерсть знаменитой Испании? Где еще есть более мягкая шерсть у белых овец, чем здесь? И я могу пренебречь твоими чудесами, Мемфис, ибо эта моя слава больше и справедливее; что я, Британия, прославлялась римлянами и греками, ибо древность называла меня отдельным миром» [Ibid., p. 3].

Кэмден приводит далее цитаты из работ античных авторов, чтобы закрепить имперский хронотоп для страны, которая еще не империя. Это работа по созданию имперского дискурса, который является составной частью усилий по созданию империи, видна в цитировании Клавдия (Claudian): «Britaine, a land which severed is from this our [Romane] world» [Ibid., p. 4] («Британия, земля, которая отделилась от этого нашего [римского] мира...» – перевод М. П.). Еще в одной цитате он приводит высказывание о Британии: «... эта наша Земля; да, и она была тем самым амбаром, житницей и хранилищем провизии западной империи; откуда римляне имели обыкновение перевозить в Германию с флотом из 800 судов, больших, чем баржи, большой запас провизии для содержания их армий, которые там защищали свои границы» [Ibidem].

В этих текстах разворачивается диалог с соперниками, Испанией и Германией; цитаты из древних, местоимение «наш» римский мир. Все это аргументация в пользу своего законного наследного права на империю. Райский уголок, созданный Богом, богатейшая земля с огромным потенциалом – вот какой предстает Британия в его сочинениях. Империи еще нет, но она приближается с помощью каждого слова, каждой мысли о ней. Кэмден оказал такое влияние на развитие британской истории и географии, что в его честь было названо The Camden Society (1838–1938), которое затем превратилось в Royal Historical Society [Johnson, p. 23–38].

Путешествие, таким образом, было способом оценки территории, сбора знаний и введения в действие дискурсивной системы. Дискурсивные практики были результатом освоения и присвоения новых земель с закреплением в дискурсе, для идеологизации и легитимации своих имперских прав [Wooordhunt].

Другим примером успешного проекта репрезентации имперского статуса Британии может служить закрепление достижений Британии в области естественных наук. Первым зданием в стране, которое было специально спроектировано и построено в 1674 г. для решения научно-исследовательских задач стало здание Королевской обсерватории Флемстид-Хаус, через которое для измерений проходили четыре меридиана. А апогеем этого закрепления стало установление Нулевого меридиана в 1851 г. как начала отсчета долготы. В международном масштабе Гринвичский меридиан как точка отсчета был утвержден в 1884 г.

На проекции Меркатора нулевой меридиан воплощает центральное, самое значимое положение Великобритании. Это центр импе-

рии, над которой никогда не заходит солнце. И снова мы наблюдаем пример символизма номинации: по-английски это не нулевой, а Prime Meridian, как начало всех начал на планете для всех государств. Главенство, значимость, первенство – слова этого синонимического ряда представлены в английском языке в изрядном количестве: supremacy, primacy, superiority, domination, headship, excellence, preeminence, predominance, eminence, greatness и это далеко не весь ряд.

Поэтому язык, а более конкретно смыслы, стоящие за концептами хронотопа, являются фокусом исследования [Потапова, с. 34–35]. М. В. Ильин пишет об особенностях этого проявления на примере внутренней формы слов русского языка: «Взаимная встреча политических устремлений и воля осуществляется в понятиях или концептах. Этот момент подчеркивает и сама внутренняя форма слов. Понять и по-ять обозначает освоение, превращение в свое. Это встреча, брачный союз смыслов» [Ильин, с. 127].

Символизм номинации раскрывается в лингвистике через ономаσιологический и семасиологический аспекты анализа, т. е. от содержания (предметный ряд) к выражению (обозначение) с промежуточным осмыслением объекта и формированием представления или понятия о нем в ходе предметной и/или познавательной деятельности человека в первом случае, или от выражения к содержанию во втором. В процессе возникновения нового наименования как нового языкового знака особенно важен вопрос о связи номинативной, коммуникативной и когнитивно-познавательной функций языка.

Для ономаσιологии важно выяснить, почему коммуникант выбирает то или иное именование из ряда возможных. «Сущность ономаσιологического аспекта в самом общем виде можно определить так: перед говорящим стоит проблема (в виде интенции или четкого замысла): как правильно (а часто и образно) и какими средствами выразить определенную информацию (о «состоянии дел» в объективной действительности, о системе идей, образов, чувствах, эмоциях и т. п.), чтобы она была по мере возможности адекватно воспринята получателем, читателем» [Бацевич, Космеда, с. 25]. Ономаσιологический подход к процессу номинации позволяет проследить формы реализации смыслов в высказываниях.

Это ярко проявляется на примере английских топонимов. Сущностную сторону процесса ранее не рассматривали, несмотря на то что топонимия Британских островов хорошо изучена. Но топонимика как чрезвычайно чувствительная область лексики реагирует на тесное межкультурное взаимодействие. В результате за статичной

внешней формой раскрываются внутренние трансформации, которые приводят к расширению значения существующего топонима в отдельно взятом языке [Покровская, с. 51].

Римское влияние в топонимике Британии наблюдается в названиях с *-chester* или *-caster* («крепость») и *port-* («порт»), *-ford* и *-colonia*: *Shesterfield*, *Lancaster*, *Portland*, *Oxford*, *Colchester*, *Lincoln*. По римским образцам и теми же элементами продолжали создавать топонимы, которые имеют и более позднее происхождение. Британскую идентичность формировал и укреплял ландшафт, изобилующий городами, созданными римлянами, римскими дорогами, связавшими части страны и придавшими импульс ее экономическому развитию, а также римская архитектура, ставшая частью национального пейзажа. Этот исторический ландшафт оформлял и формировал образы восприятия страны и оказывал влияние на население при первом римском завоевании – и на англосаксов, и на норманнов, и на викингов, пришедших с Кнотом. Менялись эпохи, правители, языки. Неизменным оставался исторический и географический ландшафт, природные и культурные объекты, которые и стали скрепами идентичности народа, который воспринимал себя частью *Pax Romana*.

Восприятие образа страны через топонимы оказало феноменальное влияние на дальнейшее развитие и расширение Британской империи. Освоение пространства новых подвластных территорий происходило через номинацию новых мест по прежним названиям. Топоним становился актом присвоения, иногда буквально дублируя географическое название, «переноса его с собой», а иногда добавляя *New*. Новые топонимы начинали жить своей жизнью, подвергаясь фонетическому освоению или отрываясь от оригинального названия на новой территории, например, *Norwich*.

Город Нóридж (англ. *Norwich*; англ. произношение: /'nɒrɪdʒ, 'nɒrɪtʃ/) – город на реке Уэнсум в Восточной Англии. Другой Норуич (англ. *Norwich*) – город в США в штате Коннектикут, где его часто называют «Роза Новой Англии» (англ. *The Rose of New England*). Мы фиксируем расхождение в произношении этого названия за длительный период их использования в различных языковых условиях на разных континентах.

Этот процесс был важен и с геополитической точки зрения, как акт легитимации закрепления территории за собой (*New England*), и психологически помогал воспринимать новые земли как свои, обжитые. К тому же употребление *New* придавало положительные коннотации, привнося уверенность в успешном будущем. В 1583 англичане

захватили о. Ньюфаундленд, внутренняя форма этого топонима очевидна. В 1607 была основана первая английская колония в Северной Америке – Виргиния, который был назван в честь английской королевы-девственницы Елизаветы I. В периоды освоения Американского континента захват территории у конкурирующих государств приводил к переименованию места. Известный случай с Новым Амстердамом, переименованным в Нью-Йорк всего через два дня после захвата его англичанами в честь Джеймса Стюарта, герцога Йоркского (брата английского короля Карла II).

Эпоха Великих географических открытий открывает горизонты, многократно увеличивая всю познанную территорию суши и моря. Уже упоминаемое выше третье пришествие Рима в Британию совпадает с периодом меркантилизма. Путешествия становятся одной из наиболее ярких сторон жизни Англии. Открывая для себя Европу, во время *Grand Tour of Europe*, особенно, Италию периода Ренессанса с возникшим там интересом к своему античному прошлому, англичане заражаются и погружаются в Рим языческий. Это время развития книгопечатания, переводов Библии на национальные языки, поисков интеллектуальными элитами национальной идентичности. Как результат – секуляризация. С середины XVII в. Англия стала центром новой экономической системы, принесшей ей морское, экономическое и колониальное могущество. Но это могущество заключалось в балансе сил метрополии, получавшей прибыль от легальной торговли, и американских колоний, окрепших благодаря нелегальной торговле [Киселев, с. 46].

Пока британское правительство, занятое европейскими войнами и внутренними делами метрополии в первой половине XVIII в., не вмешивалось в дела своих подданных за океаном, дела шли неплохо. Торговля росла, могущество Британии крепло. Усиление имперской политики Лондона в 1760-е гг., критика меркантилизма в эти же годы – все это нарушило сложившееся равновесие сил и породило Американскую революцию, а за ней и крушение Первой Британской империи [Marshall, p. 13]. Монаршая особа и ее Богом данные права десекаризируются, что неизбежно влечет Революцию.

На внешних контурах империи происходят столкновения с экономическими конкурентами: Французской, Испанской, Португальской и Голландской империями. В рамках исследований дискурсов путешествий в национальных исследованиях Э. Дж. Гриффин показывает, что Елизаветинская культура была пропитана испанофобией, что аргументы против испанской имперской политики распространились на

канонические драмы Марлоу и Шекспира, помогая увековечить дискурс, который изображал испанцев не более чем жестокими, кровавыми, неумолимыми колонизаторами. Это обеспечивало делигитимацию права Испании на имперское наследие Рима [Griffin, p. 137].

На этом долгом и многотрудном пути Британия оказалась победительницей в борьбе за Римское наследие. Британия из колонии Римской империи стала метрополией крупнейшей мировой империи, но и она распалась, как распалась Империя Римская. Каково ее наследие? Имперская цивилизационная миссия выполнена: язык, ставший *Lingua Franca*, административно-правовая система, имперская архитектура и литература, создан *Rex Britannica*. Вопрос теперь в дискурсивных практиках достойного ухода.

Даже свой распад в XX в. она подготовила по римскому образцу: ушла, оставшись. В лекции, посвященной британскому наследию, Т. Хант сказал: «Но если Британская империя действительно пришла к концу, ее наследие, тем не менее, остается очевидным во всем мире – и наиболее убедительным из этих явлений до сих пор является цепь бывших колониальных городов, разбросанных по всему земному шару – от Дублина до Мумбаи, от Мельбурна до Нью-Дели» [Hunt, p. 497].

Исследование имперского хронотопа как практики освоения пространства показало, что язык ведет за собой развитие других практик. Вербализация мира воплощается в дискурсах, а те являются реализацией дискурсивности значений внутри слова, репрезентирующего концепт. Мы проследили это на примере слова *empire*, которое раскрылось как «вершина айсберга», где при неизменности плана выражения менялись планы содержания, которые различались в разные временные периоды и в разных языках, но ядро сохранялось неизменным. Имперский дискурс продолжает разворачиваться уже в новом глобальном плане. Перефразируя Р. Козеллека [Козеллек, с. 148], можно сказать, что у «пространства опыта» продолжает сохраняться «горизонт ожиданий».

Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по коммуникативной лексикологии. Львів, 1997.

Богомяков В. Г. Дискурс неимперского пространства // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2. С. 214–215.

Бойцов М. Л. Империя // Словарь средневековой культуры. URL: <https://rus-medieval-culture.slovaronline.com/33-империя> (дата обращения: 30.09.2020).

Гиц К. Интерпретация культур. М., 2004.

Ильин М. В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Политис. 1994. № 1. С. 127–140.

Империя // Большая актуальная политическая энциклопедия / под ред. А. В. Белякова, О. А. Матвейчева. М., 2009. URL: <https://1317.slovaronline.com/62-империя> (дата обращения: 08.07.2020).

Киселев А. А. Навигационные акты и британская экономическая политика в XVII–XVIII веках // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 4. Вып. 12. С. 44–50.

Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории. Методические замечания / пер. с нем. А. Котова и О. Кильдюшова ; под ред. А. Смолькина и И. Напременко // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 148–172.

Нестеров А. В. Колесо Фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового века. М., 2015.

Политика // Толковый словарь / под общ. ред. И. М. Осадчей. М., 2001.

Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015.

Санжаревский И. И. Политическая наука. Словарь-справочник. Тамбов, 2010.

Шишков В. В. Британская империя как национально-институциональная имперская система и ее стратегии по отношению к перифериям // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 52–57.

Camden W., Holland P. Britain: or, A chorographically description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland, and the Ilands adjoining, out of the depth of Antiquitie: Beautified with Mappes of the several shires of England. Londini, 1610.

Crystal D. The Story of English in 100 Words. L., 2011.

Darling L. T. Political Change and Political Discourse in the Early Modern Mediterranean World // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 38. 2008. No. 4. P. 505–531.

Empire // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/empire> (date of access: 08.07.2020).

Gasta Ch. M. Imperial Stagings: Empire and Ideology in Transatlantic Theater of Early Modern Spain and the New World. Chapel Hill, 2013.

Griffin E. J. English Renaissance Drama and the Specter of Spain: Ethnopoetics and Empire. Philadelphia, 2009.

Hunt T. Ten Cities that Made an Empire: Understanding British Imperialism through the Urban Past. L., 2014.

Insular // Longman online Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/insular> (date of access: 07.09.2020).

Insular in Geography Topic // Longman online Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/Geography-topic/insular> (date of access: 09.09.2020).

Johnson C. The Camden Society, 1838–1938 // Transactions of the Royal Historical Society. 1940. P. 22–38.

Lyons M. Books: A Living History. L., 2011.

Marshall P. The First and Second British Empires: A Question of demarcation // History. XLIV. 1964.

Woordhunt // Электронный словарь. URL: <https://woordhunt.ru/word/insular> (date of access: 20.08.2020).

Покровская Марина Евгеньевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
119192 Москва, Ломоносовский про-
спект, 27/4, исторический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова E241
E-mail: astram1@yandex.ru

Marina Pokrovskaya
PhD (Linguistics), Associate Professor,
Foreign Languages Department, History
Faculty
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosov av. (History Faculty
E241), 119192 Moscow, Russia
E-mail: astram1@yandex.ru

Linguistic Acquisition of the Imperial Space as a Means for Registering the Images of Geographic Reality

The process of space cognition and acquisition by a nation in synchronic perception and its analysis in diachrony allows studying the shaping and subsequent development of the national world outlook. The images of geographic reality can be examined within a particular chronotope or beyond it. Linguistic acquisition of space is a means for registering the images of geographic reality of a nation's environment. Discursive sources of a certain historical period can be considered as a reflection of a particular stage of intellectual space development. In this context, it is relevant to use the methods of linguistics to explore the texts that depict this acquisition through spacetime development, and to apply discourse analysis of explicit and implicit statements and strategies for representing space. This approach can reveal the goal-setting transformations in the development of geographic space through the symbolism of nomination.

Keywords: linguistic acquisition of space, imperial chronotope, discourse of power, the British Empire, images of reality.